

Глава 18. Ты что, не наелся?

К ужину домой вернулся Хо Сан.

Не как обычно, пьяный в стельку, а наоборот, с сияющим лицом. Настолько в хорошем настроении, что даже с Хо Сяобао, которого терпеть не мог, он перекинулся парой шуток.

Взгляд Мяо Ина потемнел. Ничего хорошего за такой внезапной переменой не кроется. Старый хрыч наверняка задумал какую-то пакость.

— О, уже и лаба-чжоу варите? — Хо Сан прошёлся по кухне, потом заглянул в комнаты, порылся там и сям. — Так когда есть будем?

Ли Хуньин даже глазом на него не повела, лишь позвала Хо Сина с остальными к столу. Хо Сан не смутился и с самодовольной миной уселся рядом.

Он уже слышал, что недавно из семьи Мяо кто-то приезжал, и теперь уставился на Мяо Ина:

— У тебя родня мясники? Через пару дней сходи к ним, попроси у брата пару цзиней жирной свинины. Мне нужно.

Мяо Ин усмехнулся:

— А сам почему не сходишь?

— Я для тебя стараюсь, сближаю тебя с роднёй, — Хо Сан хлопнул ладонью по столу. — Не будь неблагодарным.

Хо Син отставил миску и палочки, холодно посмотрев на отца:

— Хочешь мяса — иди и покупай.

— Ах ты, неблагодарная тварь! — от прежнего благодушия Хо Сана не осталось и следа.

Он вскинул руку, собираясь плеснуть кипящей лаба-чжоу в Хо Сина, но едва поднял миску, как тот мёртвой хваткой сжал его запястье. Миска с кашей глухо стукнулась о стол.

Бабушка, сидевшая рядом с Хо Саном, тоже отложила палочки и с размаху дала ему пощёчину:

— Ты до каких пор собираешься устраивать этот цирк?!

Хо Сан уставился на неё с недоверием и отступил на два шага:

— Ну вы даёте! Совсем меня за живого не считаете, да? Слушайте сюда: это мой дом! Скажу вам обратиться отсюда и вы уберётесь!

Ли Хуньин поднялась и холодно посмотрела на него:

— Отлично. Пиши разводную. Напишешь — я возьму всю семью и уйду.

Хо Сан и представить не мог, что всегда робкая, молчаливая Ли Хуньин осмелится так с ним говорить. Он поднял руку, чтобы ударить, но Хо Син пинком отбросил его в сторону.

— Не думай, что я не посмею с тобой развестись! — Хо Сан, помогая себе и руками и ногами,

кое-как поднялся с пола. — Ты у меня ещё попляшешь!

— И не надейся, — сказала Ли Хунъин. — Я заберу всю семью. И мать тоже. С тобой ей одна мука светит, а со мной хоть спокойно доживёт.

Услышав эти слова, бабушка лишь молча утирала слёзы. С тех пор как Ли Хунъин вошла в этот дом, она всей душой жила ради семьи. А этот непутёвый сын с самого начала и до конца только и делал, что ранил её сердце. Она и била его, и ругала — да всё без толку.

— Запомните мои слова! — ругаясь, Хо Сан вывалился за дверь.

Ли Хунъин поправила волосы и улыбнулась:

— Садитесь, ешьте. Сегодня всё-таки праздник.

Мяо Ин убрал разлитую кашу, налил новую миску и посмотрел на Ли Хунъин:

— Мама, всё будет хорошо. Без него нам даже легче станет.

Бабушка сжала руку Ли Хунъин:

— А-ин... это я перед тобой виновата.

Ли Хунъин вышла замуж за Хо двадцать два года назад. За эти двадцать два года от её родни не осталось никого: родители умерли рано, затем скончался и старший брат, так и не женившийся за всю жизнь, а второй брат увёз всю семью прочь из родных мест. Теперь у неё не было ни единого близкого человека.

Именно потому, что за ней не стояла родня, Хо Сан и осмеливался так с ней обращаться. А если бы сейчас он действительно выгнал её с разводом, идти ей было бы попросту некуда.

— Ничего, мама, — Ли Хунъин съела ложку каши. — Я давно сыта им по горло. Без него нам всей семьёй будет только лучше. Меня лишь одно беспокоит — как вас с собой забрать.

— Если и правда разойдёмся, так снимем дом, — Мяо Ин говорил легко и открыто. — Мы с Хо Сином вдвоём как-нибудь да прокормим семью. Избавимся от этого отребья и жизнь пойдёт в гору.

Увидев, что Хо Син молчит, Мяо Ин ткнул его локтем:

— Скажи хоть что-нибудь.

— Можно жить в горах, — наконец сказал Хо Син. — У моего учителя там был дом. Перед смертью он оставил его мне. Я знаком с деревенским старостой, сможем оформить прописку. Я буду зарабатывать, купим землю... проживём нормально.

— Хорошо, — сказала Ли Хунъин. — Ешьте, ешьте.

После ужина Мяо Ин велел Хо Сину помыть посуду, а сам остался рядом и заговорил с ним:

— Дом в горах правда пригоден для жилья?

Хо Син кивнул:

— Да, но он маленький, всем не развернуться.

— Ничего, — Мяо Ин уже начал мечтать о будущем. — В горах ведь дом можно и из дерева поставить? А если что, то снимем жильё внизу. Ты будешь охотиться, я займусь торговлей, мама с бабушкой помогут с шитьём и спокойно доживут свой век.

Хо Син замер, перестав мыть посуду:

— Ты... не уходишь?

Мяо Ин удивлённо посмотрел на него:

— Куда мне уходить?

Хо Син не стал продолжать. Он лишь сказал:

— После нового года, когда рука заживёт, я поеду туда строить дом.

Мяо Ин решительно кивнул:

— Тебе ещё нужно будет уладить дела: со старостой соседнего посёлка, с властями. Когда мы переедем, придётся покупать землю... а это расходы немалые. Если совсем туго станет, я схожу к родне, займу денег. Думаю, они не откажут.

— Не надо, — голос Хо Сина стал жёстче.

Мяо Ин насторожился:

— Что «не надо»?

— Не нужно идти к твоей родне за деньгами, — тихо, но твёрдо сказал Хо Син.

— Ладно, — Мяо Ин кивнул. — Но почему он вдруг заговорил о разводе с мамой?

— Я выясню.

Похоже, Ли Хуньин это вовсе не задело: она вместе с бабушкой сидела и шила одежду. Мяо Ин вспомнил, что сегодня надо мыться, и вместе с Хо Сином пошёл за водой.

Одно плечо у Хо Сина всё ещё было ранено, поэтому они несли воду вдвоём, но, поднимая коромысло, Хо Син всё равно перетянул большую часть тяжести на себя.

Принесённой водой они сначала вымыли купальную бочку, затем наполнили её больше чем наполовину, и только после этого стали носить воду в кадку.

Носить воду — дело медленное: приходилось бегать туда-сюда по нескольку раз. Когда кадку наконец наполнили доверху, Мяо Ин уже без сил распластался на кровати. Вот что плохо в этом «попаданчестве» — тело слишком слабое. С виду вроде взрослый крепкий мужик, а на деле никакой выносливости.

К ночи Хо Син вскипятил для него воду, горячую вылили в купель, разбавили холодной и комнате постепенно наполнил тёплый пар.

Когда вода стала как раз впору, Мяо Ин нетерпеливо стянул с себя одежду, залез в купель и

протяжно выдохнул.

Он улёгся грудью на край бочки, чувствуя, как душа вот-вот воспарит... так было хорошо. Оказывается, купаться вот так — настоящее блаженство. Не зря же в современном мире богачи так любят курорты.

Понежившись немного, он вдруг понял, что ничего с собой не взял, и, повысив голос, крикнул:

— Хо Син!

Тот, похоже, всё это время дежурил за дверью. Услышав зов, он встал, и лунный свет отбросил его высокую тень на окно.

— Что случилось?

— Я ничего не взял, — сказал Мяо Ин. — Полотенце, мыло.

Хо Син не знал, что такое мыло, но нашёл те вещи, которыми Мяо Ин пользовался днём.

С закрытыми глазами он протянул их и уже собрался выйти, но Мяо Ин поспешно окликнул его:

— Подожди, не уходи. Потри мне спину, я сам не достаю.

Ему казалось, что грязи на нём накопилось как у горы, а уж с такой силой в руках, как у Хо Сина, толк от мытья будет куда лучше.

Невозмутимое лицо Хо Сина впервые дало трещину:

— Я?.. Тебе спину тереть?

— Давай быстрее, — Мяо Ин уже устроился у края купели, приняв позу «готов к бане».

Хо Син простоял так довольно долго, будто собираясь с духом, и лишь потом взял полотенце и подошёл. Вода была тёплой, в самый раз, но ему казалось, что она обжигает. Причём так, что даже полотенце в руках держалось неуверенно.

— Быстрее, быстрее, — торопил Мяо Ин.

Хо Син глубоко вдохнул, взглянул на свои ладони, покрытые мозолями, потом на спину Мяо Ина и осторожно начал её тереть. Он почти не прикладывал силы, боясь поцарапать нежную кожу гера.

Для Мяо Ина его движения были всё равно что кошка лапкой месит — ни о чём. Он повернул голову:

— Ты что, не наелся? Сильнее давай.

Хо Син добавил силы. Мяо Ин с наслаждением закрыл глаза, предаваясь удовольствию, которого не знал даже в прошлой жизни, и от комфорта чуть не начал тихонько постанывать.

Услышав эти приглушённые звуки, Хо Син замер и с трудом выдавил:

— Ты можешь... потише?

Мяо Ин уставился на него с недоумением:

— Когда это я шумел? Ну вот, честное слово... Попросишь тебя что-нибудь сделать — одни отговорки. Ладно, не надо, сам вымоюсь.

Хо Син будто получил освобождение: он тут же опустил полотенце и почти сбежал, причём шаги его были куда более сбивчивыми, чем обычно. Мяо Ин пробормотал пару слов себе под нос и продолжил мыться сам.

Хорошенько вымывшись и выбравшись из купели, он, дрожа, добежал до кровати, укрылся только что высушенным одеялом и почувствовал, что жизнь — вещь по-настоящему прекрасная.

Но, глядя на огромную купель посреди комнаты, он невольно призадумался: мыться — одно удовольствие, а вот таскать бадью потом — настоящий ад.

В постели он натянул на себя нижнюю рубашку. Как только слез с кровати, дверь распахнулась. Вошёл Хо Син, с вопросом во взгляде.

— Надо убрать купель, — Мяо Ин поёжился и попробовал сдвинуть её с места.

— Я сам, — Хо Син положил руку ему на плечо и мягко усадил обратно на кровать. — А ты отдыхай.

Мяо Ин задел его руку и почувствовал, как от одежды Хо Сина тянет пронизывающим холодом. Кажется, тот долго простоял на ветру.

— Ты где был? — спросил он.

Хо Син не ответил и принялся убирать купель.

Мяо Ин поспешно остановил его:

— У тебя же рука ещё не зажила, не напрягайся.

И тут он заметил на поверхности воды слой тёмной грязи, стёртой с его тела, и неожиданно для себя смутился.

Хо Син и сам чувствовал, что сил сегодня не хватает. Раньше такая полная бадья не представляла для него никакой проблемы, но теперь было иначе. Под взглядом Мяо Ина он стал вычерпывать воду по ведрам, и даже ночью вспотел с головы до ног.

Видя, как Мяо Ин бережёт новую постель, и вспомнив о собственном поте, он при лунном свете вышел во двор, облился холодной водой и лишь потом, неся с собой ледяную свежесть, вернулся в комнату.

Мяо Ин был в новой нательной рубашке, полностью укутанный в толстые одеяла, и на кровати вертелся из стороны в сторону.

Одеял было два: Мяо Ин укрылся своим новым, а Хо Син без лишних слов взял старое.

— Зачем нам разные одеяла? — удивился Мяо Ин. — Я вообще хотел старое сверху положить, чтобы не дуло.

Хо Син поднял руку, и Мяо Ин накрыл их обоих своим новым одеялом, а затем прижал его сверху старым.

Тяжесть одеял, давящая на тело, наполнила Мяо Ина ощущением надёжности и покоя. По привычке он просунул свои ноги под ноги Хо Сина и уснул — самым крепким и сладким сном с тех пор, как оказался в этом мире.

<http://bllate.org/book/16099/1505504>